

Волжский вестник. Казань,

1889. 12 мая. № 115.

## Журнальные наброски

(Русская Мысль. Апрель 1885 г.)

1...

Лучшие из оставшихся писателей всё же перечислить. Называть их, конечно, не требуется, но нельзя не заметить, что почти всё они сгруппировались в „Рус. Мысли“, в последней книжке которой г. Глеб Успенский даёт продолжение своим очеркам «Грехи тяжёлые». На этот раз они дышат обаянием чуждыми, втрой в русском человеке, который любит ближнего, как самого себя. „Чистый совестью и горячий сердцем“, он, из личной потребности не терять своей личной чистоты, противится всякой нечистоте, из которой может погрозиться близкий... Пока добрый, незамысловатый человек только ещё стережёт худое и мертвое дело и делает живое дело там, где правота и справедливость. Но придет время, живое дело потребует в боль-

ших разбираться — и „взрыв“ из „малом“ несомненно „и во миссию“ будет взрывом. Г. Успенский указывает на то, что среди интеллигенции эти люди множатся быстро, утешаясь на ту печальную сторону нашей жизни, что они делают доброе дело именно только там, „где придется и где случится“, и бросает беглый взгляд на прошлое, богаче и задачами и делом, пытались объяснить и сложное настоящее.

У молодого поколения 60-х и 70-х годов было общее дело. Какой-нибудь мелкий работник, составивший учебник арифметики, и председатель земской управы отставали одним и тем же идеалам, одним и тем же крупным вопросам, вызванным самой жизнью. Дела большого было много для всех, но оно встречало препятствия. «Самые нестойкие, явные личностные, мелкие, банковые, концессионные, торжественные, безбоязненно, представляли себе молодому поколению ежедневно, в течение многих и многих лет». Эта хищная сила была так велика, что с нею не могли бороться даже власти; она же и свратила молодое поколение с пути истинного. «Немудрено, что такое продолжительное несоответствие добрых и злых течений в нашей жизни разрылось той ужаснейшей истерикой, которая надолго прибила сплюсн все русское общество». Люди, во имя или иных причинных установок или устраивались от истерической эвдезии, стали понемногу раздвигаться друг от друга, стали подумывать чаще, чем прежде, «о хитрости» и «о том, как приставить». Но они саво берегли в себе искру совести и старались воспитывать детей своих в луч-

ших заботах своей личности. Они отделились почти исключительно семьёй, потому что искали такой службы, которая бы меньше всего требовала от них компромиссов и больше всего формальной, определенной работы. В семье же они старались сохранить взаимную самостоятельность, простые, хорошие отношения; они слишком сжали круг своей деятельности, но не знали изувичия, не разочаровались, так как жили все-же идеалами прошлого, надеждою на то, что настоящее время — время переходное, втрой в лучшее будущее. Таким должны быть люди, пережившие эпоху, работавшие на пользу общую; и между этими людьми втрой мёта пития Иванова, герою драмы «Иванов» г. Чехова. Люди, которые были действительно заняты серьезным делом, боролись за него, эти люди не могут кончить так, как кончил Иванов. «Люди, изображенные г. Чеховым — по мнению г. Успенского — живут только ощущением. Они выросли и жили именно в то время, когда сознательная жизнь все уменьшалась и была в своих разбирательствах. Очевидно, однако, что г. Успенский не исчерпал вопроса во всей его глубине, но весьма понятными причинами, и лишь слегка отметил основную черту нашей жизни.

А. Я-ва.